

УДК 316.343.725(470.5) + 329(470.5) + 94(470.5)

А. И. Делицой

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАТУС ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ УРАЛА В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.

В статье анализируется производственный статус инженерно-технических работников Урала в середине 1920-х гг. Целью работы является выявление динамики и причин происходивших в это время изменений в соотношении прав и обязанностей ИТР региона в производственной сфере. Основу работы составляют документы уральских архивов (материалы областного комитета ВКП(б), сведения Областного совета профсоюзов, следственные дела инженеров, арестованных ОГПУ в конце 1920-х — начале 1930-х гг.). Автор приходит к выводу, что прагматичный курс руководства ВСНХ на расширение прав ИТР в области технического руководства 1924 — середины 1926 г. сменяется нерациональной, обусловленной главным образом политическими факторами, линией на урезание прав ИТР. В условиях Уральского региона (наличие еще более острого, чем в целом по стране, дефицита технических специалистов) это приводит к ярко выраженным негативным последствиям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инженерно-технические кадры; производственный статус специалистов; интеллигенция; партийно-государственная политика; история Урала.

Динамика изменений в производственном статусе ИТР в годы нэпа затрагивалась уже в научных трудах 1960–1990-х гг., посвященных изучению различных аспектов хозяйственной политики большевистской власти, а также — политики последней в отношении старой технической интеллигенции [Федюкин; Хавин, 1962; 1968]. Однако идеологическая заданность, присущая советской историографии, мешала глубокому изучению данной проблематики. К сожалению, исследователям советского времени при разработке данной тематики «не повезло» еще и потому, что стоящие во главе ВСНХ СССР в середине 1920-х гг. Ф. Э. Дзержинский и В. М. Куйбышев были «канонизированы» советской идеологией как «верные ленинцы», поэтому историкам было невозможно подвергать сомнению не только позитивность самого содержания нормативных актов, посвященных регулированию производственного статуса ИТР в период

развертывания нэпа, но и заранее predetermined вывод о высокой степени их реализации на практике.

Закономерным в этом контексте выглядело и то, что уральские исследователи советского времени [Кондрашева; Главацкий] в изучении данной темы в основном только повторяли общие стереотипные формулировки, сложившиеся в историографии на общесоюзном уровне.

В постсоветский же период наблюдалось ослабление внимания ученых к данной проблематике, что явилось отражением более общего (на наш взгляд, недостаточно оправданного, вызванного во многом лишь «сменой моды») процесса охлаждения интереса отечественных исследователей к социально-экономической истории, истории экономической политики. В ряде трудов 1990-х гг. [Делицой; Квакин; Малкова] затрагивались только отдельные аспекты данной темы. Между тем, потребность в работах, специально посвященных комплексному изучению данной проблематики, явно назрела.

В СССР в середине 1920-х гг. проблема удовлетворительного урегулирования производственного статуса ИТР была достаточно актуальной.

В начале данного периода производственные функции технических специалистов в целом определялись сформировавшейся еще к началу 1920-х гг. своеобразной дуалистической системой управления на промышленных объектах и в хозяйственных органах: кроме административной, основанной на политическом господстве РКП(б) власти «красного директора» (или заместителя), закреплялась и известная роль буржуазного специалиста-техрука (так называемого «спеца», по терминологии тех времен).

Решающую роль в ее становлении сыграла принятая по инициативе В. И. Ленина и его сторонников в апреле 1920 г. резолюция IX съезда РКП(б) «Специалисты в промышленности», в которой подчеркивалась необходимость борьбы с антиспецовскими настроениями, а также давались три основных варианта контроля за специалистами: 1) директор-рабочий и в качестве помощника — «спец»; 2) инженер в качестве фактического руководителя предприятия и при нем комиссар из рабочих с широкими правами; 3) рабочие — один или два — в качестве помощников директора-специалиста, но без права приостанавливать распоряжения директора [Девятый съезд..., с. 410].

Однако укрепление партийно-государственной системы власти, произошедшее к середине 1920-х гг., стало налагать на нее серьезный отпечаток. Происходило, в частности, неуклонное усиление таких, возможно, имманентно присущих советской власти взаимосвязанных тенденций в области хозяйственного управления, как все большее бюрократическое обрастание промышленной сферы контролирующими органами и культивирование непрофессионализма.

Первая тенденция в области хозяйственного управления проявилась как в появлении новых, так и в укреплении старых контролирующих структур (партийные комитеты, ревизионные комиссии, экономические отделы ГПУ и т. д.), что приводило к невиданному росту бумаготворчества, отвлечению ИТР от нормальной технической работы. Характерно, например, что один из крупнейших инженеров страны П. А. Пальчинский (в 1920-е гг. — член научно-технического

совета Главного экономического управления ВСНХ СССР и постоянный консультант Госплана СССР) в октябре 1928 г., сидя в тюрьме по обвинению во вредительстве, рисует следующую картину условий работы технического персонала: «Переобременение всех работников бесконечной бюрократической бумажной работой, по существу бесполезной, заседаниями... и т. д. вместо реальной работы, на которую нередко у работников на производстве остается 10–20 % всего времени» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 1, л. 212–213].

Цифры, указанные П. А. Пальчинским, в целом коррелируют с результатами обследования уральского профессора Н. И. Трушкова, изучавшего в середине 1920-х гг. структуру рабочего дня ИТР горной отрасли региона: около 80 % всего рабочего времени «спеца» уходило «не на техническую работу», т. е. «на бумажные дела, собрания, заседания, хождение по инстанциям, и только 10–12 % времени оставалось на действительную работу на производстве» [ГАСО, ф. 272, оп. 2, д. 261, л. 91–92].

Инженер треста «Ураласбест» И. Ф. Гергенредер отмечал, что в 1920-е гг. ему приходилось работать по 14–16 часов в сутки, причем 80 % времени уходило на преодоление бесполезной бумажной работы [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 6, л. 88 об]. Инженер треста «Уралмет» Н. В. Ордынский заявлял, что «с переходом к хозрасчету нарастал вал бумагомарательства», в результате чего он «чувствовал, что дисквалифицировался» [Там же, д. 43933, т. 4, л. 78 об].

Тенденция к депрофессионализации системы управления промышленными структурами и хозяйственными органами также была заложена в самих основах большевистского режима. Уже в первые годы советской власти была провозглашена необходимость захвата всех рычагов управления коммунистическими элементами. Впоследствии эти указания неукоснительно выполнялись. Между тем, профессиональный уровень большинства так называемых «красных руководителей» был крайне низким.

Так, на 1 сентября 1925 г. 78,5 % председателей правлений трестов и заведующих заводами на Урале были членами ВКП(б). При этом специальное техническое образование отсутствовало у всех без исключения «красных директоров» заводов и подавляющего большинства председателей правлений трестов [Бейлин, с. 57].

Таким образом, очевидно, что принцип профессионализма в управлении промышленностью приносился новой властью в жертву необходимости достижения идеологической лояльности всех хозяйственных структур.

Крупный современный исследователь А. В. Квакин в этой связи резонно отмечает, что создавшееся при новой власти положение, когда кандидатура назначенца на высокий руководящий пост определялась не образовательными критериями, не профессионализмом, а отношением к существующему политическому режиму, было одной из причин беспокойства многих специалистов, искренне восхищавшихся планами большевиков [Квакин, с. 144].

Некомпетентность партийных хозяйственников в технических вопросах, иногда выливающаяся в ужасные формы, существовала и в начале 1920-х гг., но тогда партийная прослойка охватывала только высшие хозяйственные

должности, в то время как в середине 1920-х гг. партийные элементы стали заполнять и средний эшелон хозяйственного управления.

Так, в конце 1924 г. ЦК РКП(б) потребовал усилить внимание к «выдвиженчеству», особенно — к занятию новыми кадрами среднего звена управленческих структур [Изв. ЦК ВКП(б), 1924, № 10, с. 3]. Это вело к увеличению числа партийных «выдвиженцев» в промышленных и хозяйственных структурах. На Урале, например, в 1923 — начале 1924 г. имелись в основном только единичные случаи «выдвиженчества», однако уже в период с декабря 1924 по июнь 1925 г. во все предприятия и учреждения региона было влито 2 175 «красных кадров», в том числе 1 223 рабочих [Главацкий, с. 161]. Очевидно, что «львиная доля» «выдвиженцев» была направлена в промышленность региона. ЦК РКП(б), готовя материалы к XIV Всесоюзной партийной конференции, в числе районов, в которых интенсивно шла работа по «выдвиженчеству», назвал и Урал [Изв. ЦК ВКП(б), 1925, № 15–16, с. 22].

Крайне низкий образовательный уровень подавляющего большинства «выдвиженцев» еще больше усугублял общую проблему депрофессионализации системы управления индустрией.

Как справедливо отмечал все тот же инженер П. А. Пальчинский, на практике это приводило зачастую к помещению на ответственные посты «лиц по принципу не наибольшей, а своего рода “наименьшей” пригодности заводов в отстаивании ими несоответствующих и вредных мер, принятых по неведению или под влиянием плохих советников привилегированной категории» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 1, л. 212–213].

К тому же в структурах политической власти существовал панический страх перед возможным «буржуазным разложением», «перерождением» хозяйственного крыла коммунистических кадров. Подавляющее большинство инженеров и техников получили образование до революции, а поэтому, согласно большевистской доктрине, квалифицировались как чужеродные для советского режима «буржуазные специалисты», использование которых было только вынужденной, временной мерой, при этом для работающих в хозяйственных органах партийных функционеров постоянно указывалось на необходимость соблюдения крайней осторожности при общении со «спецами», чтобы избежать опасности «заражения» от них «тлетворной буржуазной идеологией». По этим же причинам происходили постоянные «перетасовки» «красных управляющих», изменения в структуре управления, и т. д.

О том, насколько пагубно отражалась такая практика на производственной деятельности, свидетельствуют, например, инженеры треста «Уралплатины». В 1924 г. вместо партийного назначенца А. А. Смольникова был назначен новый управляющий трестом, большевик Н. М. Сажин, который, как отмечают инженеры П. А. Дроздилов и В. П. Тарасов, решил оттеснить от рычагов управления в тресте технического руководителя, «буржуазного специалиста» В. А. Доменова, для чего «провел реорганизацию треста по своему вкусу, ни с кем не считаясь», а также начал практиковать разносы «в обидной форме» на совещаниях В. А. Доменова и других старых специалистов треста, что заставило техника

подать в отставку. Однако Уралоблсовнархозом ВСНХ она принята не была, после чего начались поочередные вызовы Н. М. Сажина и В. А. Доменова в Совнархоз и «накачивание их». При этом обе стороны, в конце концов, сумели переступить через личные амбиции. Как отмечает инженер В. П. Тарасов, отношения между ними «стали налаживаться, а ко времени перевода Н. М. Сажина — установились вполне нормальными для четкой работы». Характерно, однако, что именно после достигнутого с таким большим трудом взаимопонимания со «спецами» Н. М. Сажина меняют на другого управляющего, после чего в тресте начинается новая «война» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 3, л. 249 об; т. 5, л. 117–119].

Важно подчеркнуть и то, что обладающие правом решающего голоса коммунисты-хозяйственники могли отдать любой, даже самый сумасбродный приказ, ложившийся тяжким грузом на процесс развития производства. Так, например, техник Надеждинского завода И. В. Поносов указывал, что в 1924 г. местная парторганизация и руководство треста, опасаясь конкуренции со стороны медных рудников, на которые могли перейти рабочие железорудной отрасли, решает попросту взорвать эти рудники. Член Правления треста и директор Надеждинского завода, коммунист С. М. Зеленцов, по его словам, при этом прямо заявил: «чтобы Вам не кололо глаза, я прикажу рудники и строения сравнять с землей». Несмотря на полную абсурдность такого решения, оно было выполнено [Там же, д. 43932, т. 1, л. 29].

Однако противоречивые реалии середины 1920-х гг. давали «старым специалистам» Урала и неожиданный мощный «козырь» в отстаивании своего мнения в производственно-технических вопросах. Насыщенность промышленности квалифицированными техническими кадрами (в процентах к числу рабочих) была существенно ниже общесоюзных показателей: 0,75 % против 0,83 % — по техникам и, что было наиболее существенно, только 0,32 % против 0,7 % — по инженерам [ГАСО, ф. 339, оп. 6, д. 520, л. 26]. В этих условиях угроза ухода «старого спеца» становилась очень действенной — зачастую технические кадры были в прямом смысле слова незаменимыми. Поэтому, как это ни парадоксально, но в целом ряде случаев «красные управляющие» региона, даже помимо своего желания, были вынуждены считаться с мнением «спецов» больше, чем в центральных районах страны.

Факты свидетельствуют, что вплоть до середины 1920-х гг. реальный дележ власти на производстве между «красным управляющим» и «старыми спецами» на Урале часто происходил не на основе писанных инструкций, а во многом в результате сложного негласного личностного компромисса сторон. Однако границы полномочий ИТР при этом не могли быть прочными.

Зыбкость производственного статуса инженерно-технических кадров усиливало и такое широко распространенное среди «красных директоров» региона явление, как «комчванство». Так, по сведениям Уралобкома ВКП(б), в 1927 г. только 54 % председателей правлений трестов области и 40,2 % директоров предприятий отметили в анкете, что нуждаются в повышении теоретической подготовки. При этом 88,5 % председателей правлений трестов и почти

80 % директоров предприятий имели низшее образование, а специального технического не имели 93 % председателей правлений и 97,7 % директоров предприятий региона [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 1, л. 334–337].

Очевидно, во многом именно «комчванством» объяснялось и упорное нежелание партийных руководителей хозяйственных органов области посещать в 1920-е гг. курсы повышения квалификации для «красных директоров». Вплоть до конца 1920-х гг. руководители предприятий и цехов предпочитали посылать вместо себя на данные курсы случайных людей, и только «шахтинское дело» 1928 г. дало в этом плане определенную встряску. Впрочем, точно такое же отношение к курсам повышения квалификации было характерно для коммунистов-«выдвиженцев» и в общесоюзном масштабе. Так, член Президиума ЦКК ВКП(б) Я. А. Яковлев в середине 1920-х гг. отмечал, что «многие хозяйственники воспринимают рекомендацию учиться как личную обиду» [Малкова, с. 350].

Неопределенность производственного статуса, конечно же, не устраивала ИТР. С другой стороны, такое положение дел не удовлетворяло и высшие хозяйственные структуры страны, т. к. оно мешало более эффективному использованию «старых спецов» на производстве.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что в середине 1920-х гг. как на региональном, так и на общесоюзном уровне предпринимается целый ряд попыток более четкой институционализации производственного статуса и функций инженерно-технического работника и «красного управляющего».

Так, в мае 1923 г. на заседании комиссии Уралбюро ЦК РКП(б) по редактированию тезисов по организации уральской металлургии было решено «просить В. А. Гассельблат выработать примерную доверенность и инструкцию о правах и обязанностях Управляющего (округом, автономным заводом и заводом, подчиненным округам)» [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 185, л. 17 об]. Следует отметить, что В. А. Гассельблат в это время был признанным лидером инженерной корпорации Урала, членом Правления Уралпромбюро ВСНХ.

Примечательным выглядит и сам факт поручения комиссией Уралбюро ЦК РКП(б) разработки инструкции не партийному лицу, а именно «старому специалисту».

Впоследствии инженер Б. С. Дунаев, бывший в 1920-е гг. членом Президиума Уралоблсовнархоза ВСНХ, указывал на то, что В. А. Гассельблат «часто вспоминал коммуниста Г. А. Ломова, который, по его совету, еще в 1922 или 1923 г. хотел построить управление промышленностью на Урале, поставив везде во главе специалистов, придав им в качестве помощников для «разговоров по партийным и профессиональным вопросам» коммунистов, поскольку было «бесполезно и бесцельно тратить столько времени на служебные дела» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 3, л. 131].

В материалах Уралбюро ЦК сохранилась часть наброска инструкции о правах и обязанностях ответственного работника производства, который, вероятно, и был составлен вскоре после принятия вышеуказанного постановления комиссии Уралбюро ЦК РКП(б) [ЦДООСО, ф. 1494, оп. 1, д. 192, л. 17]. Однако дальше этого разрешение данного вопроса не пошло, очевидно, прежде всего

из-за изменений в составе Уралбюро ЦК: Г. И. Ломов, возглавлявший вышеуказанную комиссию и являвшийся наиболее влиятельным инициатором идеи четкого разграничения прав и обязанностей «спецов» и «красных управляющих» на основе укрепления положения инженерно-технических работников, был «выжит» с Урала другими партийными руководителями региона.

Усиливший после этого свои позиции ответственный секретарь Уральского обкома партии М. М. Харитонов на VI Уральской областной партийной конференции в конце 1923 г. ставил вопрос о правах и обязанностях ИТР уже в несколько ином ключе. Он отмечал, что на Урале «спецы» «никакой ответственности не несли... Нужно заставить их нести ответственность за свою работу, поставив их в такую обстановку, чтобы эту ответственность с них можно было спрашивать» [Стенографический отчет..., с. 14].

Эта же мысль была подчеркнута и в тексте резолюции данной конференции РКП(б): «Нужно взять твердый курс на проведение на практике ответственности администрации и технического административного персонала за порученное им дело» [Там же, с. 187].

Интересно также, что через четыре года после этих событий, на заседании в Уральском обкоме ВКП(б) именно на Г. А. Ломова прозрачно намекал полномочный представитель ОГПУ по Уралу Г. П. Матсон, говоря о существовавшем в партийной организации региона опасном «сменовеховском» уклоне [ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 56, л. 13].

Таким образом, идея регламентации производственных правил и обязанностей ИТР на практике на региональном уровне в основном свелась к ужесточению контроля за ними, в то время как логично вытекающее из этого параллельное расширение их прав фактически не предусматривалось.

Сразу после Областной конференции Уралобком РКП(б) разослал на места указания и запросы о проведении вышеуказанной резолюции в жизнь. Отчеты с мест свидетельствовали о том, что отношения со «спецами» в производственной сфере были действительно ужесточены.

Так, в отчете Пермского окружного комитета РКП(б) отмечалось намерение «провести строгое распределение функций между всем административно-техническим персоналом сверху донизу, с четким и ясным определением прав и обязанностей каждого из них... внедрить в сознание технического персонала чувство ответственности за вверенное им дело, отнюдь не допуская оговорок, что кто-то мешает, вмешивается и прочее» [Там же, оп. 1, д. 13, л. 210 об].

Такой подход к проблеме разграничения прав и обязанностей ИТР был крайне неперспективным. Производственная жизнь настоятельно требовала не столько ужесточения ответственности «спецов» за порученное им дело, сколько институционализации основных управленческих прерогатив инженерно-технических кадров. Понимание этого привело к решительным действиям на уровне ВСНХ.

Первым шагом в этом направлении стало принятие по инициативе Председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского циркуляра ВСНХ, Народного комиссариата труда и ВЦСПС от 30 декабря 1924 г. «О практических мероприятиях по поднятию производительности труда», в котором предписывалось не только

усилить ответственность техперсонала за производственные ошибки, но и увеличить права специалистов [ГАСО, ф. 272, оп. 1, д. 28, л. 91].

На XIV Всесоюзной партийной конференции (летом 1925 г.) Ф. Э. Дзержинский, подчеркивая необходимость упрочения производственного статуса технического руководителя, предложил даже дать ИТР «какую-то конституцию на заводе» [Четырнадцатая конференция..., с. 173].

Необходимость четкого разграничения прав и обязанностей специалистов была подчеркнута и в известном постановлении ЦК ВКП(б) «О работе специалистов» (сентябрь 1925 г.) [Справочник..., с. 173].

В ожидании принятия решающих постановлений по данному вопросу ИТРовцы заняли позицию решительной поддержки начинаний руководства ВСНХ во главе с Ф. Э. Дзержинским. Уральское областное межсекционное бюро инженеров и техников (УралОМБИТ) Областного совета профсоюзов, например, в тезисах о материально-бытовом положении специалистов Урала в конце 1925 г. отметило необходимость определения «подходящей для каждой должности нагрузки, прав, обязанностей и ответственности» [ГАСО, ф. 272, оп. 1, д. 262, л. 17].

29 марта 1926 г. были изданы циркуляр ВСНХ СССР № 73 «О правах и обязанностях административно-технического персонала» и «Типовые положения о техническом директоре, заведующем цехом и производственном мастере», дающие решающие права хозяйственного руководства ИТР. В этот же день был издан циркуляр ВСНХ СССР № 33 «Об организации управления промышленными заведениями» и сопровождающее его «Общее положение о правах и обязанностях технического директора завода в металлической и электротехнической промышленности». «Красные управляющие» лишились права вмешиваться во вверенные «спецам» функции общего руководства технической частью работы [Торгово-промышленная газета, 1926, 31 марта]. Таким образом, фактически реализовывалась идея Ф. Э. Дзержинского о «конституции для специалистов».

Понятно, что самостоятельно пойти на такой ответственный шаг Председатель ВСНХ СССР не мог — он, безусловно, получил «добро» от высшего партийного руководства страны. Весьма примечательно, что впоследствии, в 1928 г., И. В. Сталин давал следующую оценку сопровождающему циркуляр ВСНХ СССР № 33 «Общему положению»: «Характерную особенность этого типового положения составляет то, что оно отдает почти все права техническому директору, оставляя за главным директором право улаживать конфликты, “председательствовать” и играть на балалайке». При этом лидер большевистской партии подчеркивал также и следующее: «В свое время этот приказ был абсолютно необходим, ибо он был дан в тот момент, когда у нас не было вовсе своих хозяйственных кадров, когда мы не умели управлять промышленностью и поневоле приходилось передавать основные права техническому директору» [Сталин, с. 58]. В этих словах И. В. Сталина чувствуется, что издание данных циркуляров и положений было трудным, принятым после длительных обсуждений решением высшего политического руководства страны.

Принятие данных постановлений, особенно — циркуляра ВСНХ, получившего в рядах специалистов негласное название «приказ Дзержинского № 73», развязывало руки производственно-технической инициативе ИТР, а с другой стороны — значительно ограждало «спецов» от некомпетентных посягательств со стороны «красных специалистов».

Характерно, что работник центрального аппарата ВСНХ, меньшевик Н. Валентинов, впоследствии отмечал, что знакомые ему инженеры и техники вспоминали 1925–1926 гг. как «золотое время», при котором коммунисты «не мешали работать» [Валентинов, с. 262]. Очевидно, что решающую роль в формировании такого ощущения в рядах «спецов» сыграли именно решения ВСНХ СССР, направленные на упрочение производственного статуса инженерно-технического персонала.

Однако «конституция для спецов» просуществовала очень недолго. После смерти Ф. Э. Дзержинского летом 1926 г. началась фактическая отмена вышеуказанных постановлений ВСНХ (этот процесс первоначально шел явочным порядком, формальное же аннулирование «приказа № 73» и других решений ВСНХ от 29 марта 1926 г. будет осуществлено только в 1928 г., после начала раскручивания властями «шахтинского дела») [Сталин, с. 58].

По инициативе нового Председателя ВСНХ СССР В. М. Куйбышева в «Торгово-промышленной газете» была развернута новая дискуссия о правах и обязанностях руководителя [Хавин, 1968, с. 48]. Со стороны ВСНХ явно «повеяло новыми ветрами».

Лидер уральского инженерства В. А. Гассельблат, по словам инженера Б. П. Боголюбова, уже в конце 1926 г. отмечал следующее: «как часто приходится терпеть удары по самолюбию, работая в современных условиях... особенно часто — в последнее время, когда игнорируется на местах и в области приказ Дзержинского и ряд положений о техперсонале», причем «подобных укулов настолько много, что даже публика, уже сжившаяся с заводами, бросает их и переходит на работу в центральные и областные учреждения», при этом «ИТС ничего не может сделать» [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43933, т. 5, л. 15].

18 июля 1927 г. Наркомат РКИ представил новый проект положения о правах и обязанностях технического персонала и типовое положение об обязанностях, правах и ответственности лиц административно-технического персонала предприятий, в которых от знаменитого «приказа Дзержинского № 73» не осталось практически ничего: технический руководитель был переименован в главного инженера, причем ему уже не вручались функции технического руководства; весьма туманно говорилось об ответственности технического персонала за несчастные случаи на производстве, производственные ошибки и т. д. [ГАСО, ф. 272, оп. 1, д. 879, л. 5–13, 33–72]. Все это позволяло трактовать данные положения достаточно широко.

Эти проекты вызвали сильные возражения Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) ВЦСПС [Там же, л. 16–18]. Однако в итоге именно они были положены в основу принятого ВСНХ СССР 4 октября 1927 г. «Типового положения об управлении предприятием» [Хавин, 1962, с. 73].

О том, что все данные указания на Урале с самого начала неукоснительно реализовывались на практике, свидетельствуют сами инженерно-технические работники региона. Так, инженер «Уралгипромеца», а впоследствии — начальник силикатного отдела Магнитостроя Г. Г. Гершельман отмечал, что был недоволен начавшимся с 1926 г. урезанием прав технических руководителей [ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43935, т. 1, л. 26].

Характерно, что избранный в 1927 г. Председателем Районного бюро ИТС Совета профсоюзов техник Надеждинского металлургического завода А. П. Яргин впоследствии отмечал, что на новой должности намеревался бороться в том числе за следующее право специалистов «в политической области»: «за сокращение профсоюзных и хозяйственных собраний с тем, чтобы предоставить право руководителям по возможности решать вопросы единолично» [Там же, д. 43941, т. 3, л. 83].

Дальнейшее, еще более решительное наступление на производственные права технических специалистов начнется в начале 1928 г., сразу после начала грандиозной кампании травли «спецов» в связи с «вредительским» «шахтинским делом».

Таким образом, процесс институционализации производственного статуса инженерно-технических специалистов в середине 1920-х гг. шел очень противоречиво. После ряда прагматичных шагов руководства ВСНХ во главе с Ф. Э. Дзержинским в конце 1924 — первой половине 1926 г. по наделению ИТР решающими полномочиями в области технического руководства, власть с конца 1926 г. вернулась к практике бесцеремонного вмешательства в производственную деятельность инженерно-технических кадров, урезания их производственных полномочий, причем в качестве основных мотивов данного возврата, особенно с учетом его явной нерациональности, просматриваются прежде всего мотивы идеологические.

Бейлин А. Е. Кадры специалистов в СССР. Их формирование и рост. М., 1935. [Bejlin A. E. Kadry specialistov v SSSR. Ih formirovanie i rost. M., 1935.]

Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. [Valentinov N. (Vol'skij N.) Novaja jekonomicheskaja politika i krizis partii posle smerti Lenina. M., 1991.]

Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937 гг.). Свердловск, 1974. [Glavackij M. E. KPSS i formirovanie tehničeskoj intelligencii na Urale (1926–1937 gg.). Sverdlovsk, 1974.]

ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43927, 43932, 43933, 43935, 43941. [GAAOSO. F. 1. Op. 2. D. 43927, 43932, 43933, 43935, 43941.]

ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 28; Ф. 272. Оп. 1. Д. 262, 879; Оп. 2. Д. 261; Ф. 339. Оп. 6. Д. 520. [GASO. F. 272. Op. 1. D. 28; F. 272. Op. 1. D. 262, 879; Op. 2. D. 261; F. 339. Op. 6. D. 520.]

Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. [Devjatyj s'ezd RKP(b). Mart-aprel' 1920 goda. Protokoly. M., 1960.]

Делицой А. И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919–1931 гг.: проблема взаимоотношений : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. [Delicoj A. I. Inzhenerno-tehnicheskie kadry i vlast' na Urale v konce 1919–1931 gg.: problema vzaimootnoshenij : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 1998.]

Изв. ЦК ВКП(б). 1924. № 10 (85); 1925. № 15–16 (90–91). [Izv. SK VKP(b). 1924. № 10 (85); 1925. № 15–16 (90–91).]

Квакин А. В. Ликвидация российской интеллигенции в условиях господства административно-бюрократической системы в конце 20-х годов // Интеллигенция в политической истории XX века / отв. ред. проф. В. С. Меметов. Иваново, 1992. С. 142–144. [Kvakin A. V. Likvidacija rossijskoj intelligencii v uslovijah gospodstva administrativno-bjurokraticheskoj sistemy v konce 20-h godov // Intelligencija v politicheskoj istorii XX veka / отв. ред. проф. V. S. Memetov. Ivanovo, 1992. S. 142–144.]

Кондрашова М. И. Коммунистическая партия — организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917–1927 годах. Иркутск, 1985. [Kondrashova M. I. Kommunisticheskaja partija — organizator formirovanija socialisticheskoy intelligencii na Urале v 1917–1927 godah. Irkutsk, 1985.]

Малкова Л. М. К вопросу о положении буржуазных специалистов в 20-е гг. // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики / отв. ред. проф. В. С. Меметов. Иваново, 1996. С. 350–351. [Malkova L. M. K voprosu o polozenii burzhuaznyh specialistov v 20-e gg. // Intelligencija, provincija, otechestvo: problemy istorii, kul'tury, politiki / отв. ред. проф. V. S. Memetov. Ivanovo, 1996. S. 350–351.]

Справочник партийного работника. Вып. 5. М., 1926. [Spravochnik partiynogo rabotnika. Vyp. 5. M., 1926.]

Сталин И. В. О работах Апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б). 13 апреля 1928 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 27–64. [Stalin I. V. O rabotah Aprel'skogo ob"edinennogo Plenuma SK i SKK. Doklad na sobranii aktiva Moskovskoj organizacii VKP(b). 13 aprelja 1928 g. // Stalin I. V. Soch. T. 11. M., 1949. S. 27–64.]

Стенографический отчет VI областной партконференции РКП(б). Екатеринбург, 1924. [Stenograficheskij otchet VI oblastnoj partkonferencii RKP(b). Ekaterinburg, 1924.]

Торгово-промышленная газета. 1926. 31 марта. [Torgovo-promyshlennaja gazeta. 1926. 31 marta.]

Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. [Fedjukin S. A. Sovetskaja vlast' i burzhuaznye specialisty. M., 1965.]

Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962. [Havin A. F. Kratkij ocherk istorii industrializacii SSSR. M., 1962.]

Хавин А. Ф. У руля индустрии: Документальные очерки. М., 1968. [Havin A. F. U rulja industrii: Dokumental'nye ocherki. M., 1968.]

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13; Оп. 5. Д. 1; Оп. 6. Д. 56; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 185, 192. [CDOOSO. F. 4. Op. 1. D. 13; Op. 5. D. 1; Op. 6. D. 56; F. 1494. Op. 1. D. 185, 192.]

Четырнадцатая конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1925. [Chetyrnadcataja konferencija VKP(b). Stenograficheskij otchet. M.; L., 1925.]

Статья поступила в редакцию 26.03.2015 г.